
ГОСПОДДЕРЖКА СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА И ПЕРЕКАЧКА: ЗАПРЕДЕЛЬНЫЙ ДИСБАЛАНС И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

И.Н. Буздалов

В статье проведен анализ сложившегося дисбаланса между размерами изъятий из сельского хозяйства созданной стоимости и ее компенсацией в форме государственной поддержки. Показаны последствия сложившихся диспропорций, приведших к деградации производственной и социальной сферы села, возрастанию угрозы продовольственной безопасности страны. Сформулированы предложения, направленные на преодоление этих диспропорций на основе последовательного обеспечения приоритета сельского развития и соответствующей общей корректировки проводимой агропродовольственной политики.

Ключевые слова: аграрная политика, приоритет сельского хозяйства, господдержка, перекачка, диспропорции, «особый путь», аграрный бюджет, аграрное законодательство.

Многовековая мирохозяйственная практика неизменно подтверждает, что одним из основополагающих условий прогресса и устойчивости социально-экономического развития является обеспечение структурной сбалансированности воспроизводственного процесса, прежде всего оптимизации межотраслевых пропорций обмена, потребления и накопления. Фундаментальное значение в достижении этой сбалансированности имеет поддержание правильных (т.е. экономически обоснованных и социально справедливых) соотношений и пропорций между первичной базовой отраслью экономики – сельским хо-

зяйством и промышленными отраслями. По сути, здесь речь идет о целенаправленном использовании широко пропагандированного, но постоянно и грубо нарушавшегося в советское время закона планомерного, пропорционального развития народного хозяйства, который успешно применяется в передовых странах современного мира (благодаря его применению ставших передовыми и высоко-развитыми).

Иное положение долго складывалось и до сих пор во многом сохраняется в России. Считалось и продолжает считаться, что у России якобы «особый путь» развития или, по известному поэтическому выражению, у нее «особенная статья», в которую нужно «только верить», отбросив или отодвинув на задний план законы развития природы и общества, объективные закономерности экономического развития, общечеловеческие ценности и принципы жизнедеятельности.

Бесспорно, у России, как и всякой другой страны или группы стран, имеется некоторая региональная специфика. Но под прикрытием вообще особого пути (по пословице: «сами с усами») «удобно» оправдывать любые эксперименты над целой нацией, ее социальными группами, среди которых наиболее «привлекательным» для таких экспериментов веками оказывалось крестьянство. А когда обнаруживаются провал и разрушительные последствия этих экспериментов и «новаторских» начинаний, то находятся объяснения, что во всем виновата не сама концепция особого пути, а ошибки и «перегибы» властных инициаторов их проведения. Еще «удобнее» все сводить к умозаключениям об «исторической» необходимости волюнтаристских начинаний вроде советской насильственной коллективизации. Гигантомания, «крутые» революционные повороты и перевороты, «великие переломы», «прорывные» замыслы и амбициозные проекты, стремление любой ценой быть первыми и т.д. – все эти лозунги и средства – из арсенала концепции «особого российского пути».

Надуманность этой концепции, стоившей России многих людских бед и матери-

© Буздалов И.Н., 2013 г.

альных потерь, очевидны, и к ее приверженцам, по сути, было обращение Д. Медведева на юбилейной конференции, посвященной 150-летию крестьянской реформы, как раз направленной на поиск пути реализации общих законов и принципов цивилизованного устройства жизни общества и развития экономики. К сожалению, по инерции идеи, заложенные в указанной концепции, продолжают жить и овладевать если не массами, то умами людей, принимающих государственные экономические решения. Это, в частности, видно из заложенного в нынешней официальной экономической политике запредельного дисбаланса между государственной поддержкой сельского хозяйства и масштабами пресловутой перекачки, представляющего собой грубое нарушение объективных законов воспроизводственного процесса в экономике, ставящего российское крестьянство на грань выживания.

О неизбежности общих провальных последствий «перекачки» для всего экономического, в том числе промышленного, развития страны предупреждал инициаторов дилетантских «исторических» решений Н.И. Бухарин. «Наивно полагать, – доказывал он, опираясь на объективные закономерности и взаимосвязи в экономике, – будто максимум годовой перекачки из сельского хозяйства в промышленность обеспечит максимальный рост индустрии. Наоборот, длительно наивысший темп получается при таком сочетании, когда промышленность поднимается на *активно растущем сельском хозяйстве* (курсив наш. – И.Б.). В этом случае индустриализация вместо «паразитарного» процесса по отношению к деревне становится средством величайшего преобразования и подъема» (Бухарин, 1988, с. 410).

Если бы обеспечивалось соблюдение элементарных требований объективных экономических законов, прежде всего поддерживались «оптимальные соотношения развития промышленности и сельского хозяйства в России в 1928–1940 гг., то крестьянство не было бы доведено до нищеты, а страна, как минимум, могла бы удвоить промышленную,

в том числе военную, мощь» (Буздалов, 2009, с. 123).

И подлинная экономическая теория, и прогрессивный исторический опыт динамичного, действительно пропорционального развития передовых в общественном устройстве стран неизменно подтверждают особую роль в этом развитии, в его темпах обеспечения структурной и общей воспроизводственной сбалансированности в народном хозяйстве и прежде всего в соотношении его базовых отраслей: сельского хозяйства и промышленности. Причем такая сбалансированность предполагает активную государственную поддержку сельского развития как приоритет первостепенной важности. Этот приоритет объективно обусловлен фундаментальной исторической ролью отрасли в развитии и жизни общества, а крестьянского сословия – как «корневой системы» нации, как «сеятеля и хранителя государства». Отсюда, по определению Д.И. Менделеева, государственная защита земли и земледельца равносильна защите самого государства.

В прикладном народнохозяйственном плане обеспечение приоритетного развития сельского хозяйства обусловлено: 1) его базовым статусом в экономике – производителя «самого первого условия жизни непосредственных производителей и всякого производства вообще»; 2) повышенным риском, связанным с сельскохозяйственным производством, – непредсказуемостью природных факторов и поэтому низкой инвестиционной привлекательностью; 3) незаменимой ролью в достижении общего устойчивого социально-экономического развития, связанного с многофункциональным ресурсным потенциалом села и сельских территорий.

Таким образом, *определяющим условием структурной народнохозяйственной сбалансированности и общего социально-экономического прогресса является обеспечение приоритета сельского развития, а его главным критерием – сопоставимое, «уравновешенное» социальное благополучие сельского и других групп населения, условий их труда,*

уровня и качества жизни. Более того, с точки зрения незаменимых жизненно важных функций сельского хозяйства оправданным и социально справедливым является определенное превышение соответствующих сельских показателей над городскими. Так, среднедушевые доходы членов сельских семей в США почти на 10% выше, чем в городе, что является важнейшим фактором закрепления и инициативной трудовой деятельности занятых в сельскохозяйственном производстве. То же самое явление наблюдается и во многих других странах.

Достигается это через систему и механизм государственного регулирования, оптимизацию воспроизводственных пропорций развития сельского хозяйства, прежде всего через бюджетную поддержку аграрных цен, систему льготного налогообложения, субсидии и т.д. Тем самым устраняется дисбаланс между размерами необходимых для эффективного ведения производства доходов сельхозпроизводителей и размерами перекачки как отражением «социально-экономической ущербности аграрной политики» (Буздалов, 2009, с. 121). Перекачка средств имеет место в других странах – как следствие несовершенной или недобросовестной конкуренции, фискальной политики государства, монополистических проявлений со стороны партнеров сельского хозяйства по АПК и т.д. Однако размеры бюджетных компенсаций этой перекачки достигает 30–40% и более валовой продукции (в Норвегии – свыше 60%, или 30 тыс. долл. на одного сельского жителя). В России эти показатели составляют соответственно 5%, или около 100 долл.

Хотя по сравнению со сталинским периодом механизмы перекачки изменились, а ее масштабы сократились, сельское хозяйство продолжает находиться под бременем этого без преувеличения настоящего социально-экономического бедствия для крестьянства. Существующая государственная поддержка, в основном в форме аграрного бюджета, лишь в малой степени ослабляет это тяжелое бремя. Расчеты показывают, что соотношение между

суммой перекачки, определенной по товарной продукции сельского хозяйства, и его бюджетной поддержкой составляет 9 : 1 (в денежном выражении примерно 1,3 трлн и 140 млрд р.).

Доля аграрного бюджета составляет 1,2%, тогда как даже в годы нэпа она достигала 7,7%, а до нынешних реформ – свыше 15% общего бюджета страны. Причем и эти мизерные бюджетные назначения для села на $\frac{3}{4}$ не доходят до непосредственного производителя и почти целиком изымаются государством через налоги на СХО и физических лиц деревни. На порядок большие суммы из созданной крестьянским трудом стоимости, как показывает структура розничных цен на продовольствие, идут в карман заготовителей, переработчиков, перекупщиков, торговцев, топливных монополистов и т.д.

Всем этим объясняются все нынешние беды и недуги российского села и крестьянства: 1) провал в уровне сельскохозяйственного производства страны, его низкая экономическая эффективность и конкурентоспособность; 2) деградация производственного, особенно трудового, потенциала села, низкая трудовая активность занятых в сельскохозяйственном производстве, отток из отрасли трудоспособного населения, молодежи; 3) запредельный за всю российскую историю импорт продовольствия, являющийся по сути своего рода поддержкой зарубежных фермеров. В совокупности эти беды и недуги создают угрозу не только продовольственной, но и всей национальной безопасности страны.

В настоящее время продовольственное положение России, если исходить из его системной оценки, характеризуется острейшим кризисом. Об этом свидетельствует падающий престиж страны в глазах мирового сообщества, а на арене мирового агропродовольственного рынка сложился удручающий факт: импорт продовольствия по рублевому курсу превышает объем всей товарной продукции сельского хозяйства в закупочных ценах (в 2008 г. – соответственно 1,05 трлн и 888 млрд р.; 2010 г. по импорту побил все рекорды!). Понятно, какой трагедией для народа может оказаться пере-

крытие по тем или иным причинам импортных каналов поставок продуктов питания, чего нельзя исключать, учитывая угрожающие тенденции обострения мировой продовольственной проблемы.

Но если, не считаясь с возрастанием угрозы продовольственной безопасности, компенсацию провала в отечественном производстве продукции сельского хозяйства в рамках проводимой агропродовольственной политики продолжать перекладывать на зарубежных фермеров, предоставляя для них обширный рынок реализации этой продукции, то исправлять удручающее положение в социальной сфере села придется самим, иначе все сельское хозяйство (за исключением новых «маяков») в лучшем случае будет продолжать влачить жалкое существование. На форуме фермеров в Тамбове (март 2011 г.) В. Путин говорил об ответственности за неиспользуемые сельскохозяйственные земли (за годы нынешних реформ заброшено почти 40 млн га посевных площадей, т.е. на 6 млн га больше, чем вся площадь сельскохозяйственных земель во Франции – экспортере продовольствия, в том числе продукции животноводства). В Доктрине продовольственной безопасности Российской Федерации освоение заброшенных земель декларируется в качестве важнейшего источника наполнения продовольственного рынка отечественной продукции.

Но одни декларации и наставления проблемы не решат. Нужны, как это было с освоением целины, огромные ресурсы, так как речь идет о той же «целине» (к тому же уже заросшей кустарником), на которой нет признаков культурной сельскохозяйственной жизни (если не считать диких животных). На обширной сельскохозяйственной территории Северо-Запада, Северо-Востока, Урала, Поволжья, Сибири, даже центра России, где о существовании прежних благополучных сел и деревень скорбно напоминают заросшие бурьяном и чертополохом их жалкие останки, уже вообще почти некому работать, а тем более вовлекать в оборот неиспользуемые миллионы гектаров земли, поскольку соци-

ально-трудовая сфера (не говоря уже о производственной) здесь полностью разрушена. И все это происходит в условиях, когда власти провозгласили приоритет сельского развития, разработали и пытаются реализовать соответствующие проекты и программы.

При такой политике «приоритетного» развития сельского хозяйства уровень жизни сельского населения – и до нынешних реформ оставшийся крайне низким и существенно отстающим от городского уровня – за годы рыночных реформ значительно снизился. Возросло отставание от города и в общих социальных условиях жизни в сельской местности, хотя за эти годы власти постоянно декларировали решительные и масштабные сдвиги в развитии социальной и инженерной инфраструктуре сельского хозяйства. На деле таких сдвигов не произошло. Наоборот, если среднедушевые располагаемые доходы сельских домохозяйств в 1990 г., по данным мониторинга состояние социально-трудовой сферы села (Состояние социально-трудовой..., 2010), достигали почти $\frac{8}{10}$ городского уровня, то в 2000 г. они снизились до 69%, а в 2008 г. – до 56% (5,8 тыс. р. в месяц). Среднемесячная оплата труда за этот период с 95% к среднему по экономике уровню снизилась в 2009 г. до 51%, оставаясь самой низкой в стране. При повышении с января 2009 г. МРОТ до 4330 р. удельный вес работников сельского хозяйства с заработной платой ниже этого уровня составил $\frac{1}{3}$ при значительных суммах задолженности по оплате труда. В селе – самый низкий размер пенсий.

Бедность, все более разрушающая трудовой и генетический потенциал села, остается массовым явлением. За ее порогом по денежным доходам находится более половины сельского населения. В настоящее время бедность практически концентрируется в сельской местности, на которую приходится 40,4% всего малоимущего (по располагаемым ресурсам) населения России, притом что в селе проживает 27% его общей численности в стране. *В наиболее бедственном положении находится детское население деревни.*

Определенные позитивные изменения произошли в газификации села, жилищном и других видах строительства в сельской местности. Однако в целом ситуация в социальной сфере села, в общих условиях жизнедеятельности в деревне остается крайне неблагоприятной, что не только исключает возможности настоящей модернизации сельского хозяйства, но вообще вызывает серьезную тревогу за будущее отрасли, за судьбу и жизненные силы российского крестьянства.

В основной массе СХО отсутствует сколько-нибудь удовлетворительная система медицинских, культурных и торговых услуг, нет современных образовательных учреждений. Село все более отстает от города по вводу жилой площади на 1000 чел. населения. По тем же результатам мониторинга состояние социально-трудовой сферы села 58% сельских жителей, в том числе 70% молодежи до 30 лет, нуждается в серьезном улучшении жилищных условий. При этом имеющийся сельский жилой фонд характеризуется весьма низким качеством и состоянием внутреннего благоустройства. В основной части этого фонда нет элементарных коммунальных удобств.

Сеть участковых больниц по сравнению с 1990 г. сократилась на 1994 единицы (41%), фельдшерско-акушерских пунктов – на 3408 единиц (7%). На 10 тыс. человек в сельской местности приходится 55 больничных коек (в городе – 133 койки), обеспеченность амбулаторно-поликлиническими учреждениями в расчете на 10 тыс. жителей на селе в 2,3 раза ниже, чем в городе. Само состояние, оборудование сельской медицинской сети поистине плачевное.

Обеспеченность сельского населения врачами по сравнению с городским меньше в 4,7 раза, а средним медицинским персоналом – в 1,9 раза. Число школ и других сельских общеобразовательных учреждений сократилось на 6,6 тыс. На $\frac{2}{3}$ сократилась сеть физкультурно-оздоровительных и спортивных сооружений, их единовременная пропускная способность составляет 10–15% норматива. На 26% сократилось число сельских

клубов и домов культуры. Более половины детей на селе не охвачена дошкольным воспитанием. В целом детство, которому посвящена, по сути, основная часть последнего послания Президента РФ и состояние которого в стране вызывает общенациональную тревогу, в сельской местности является особенно неустроенным, неуютным, обделенным.

Угрожающие размеры приняла алкоголизация сельского населения, являющаяся во многом следствием безработицы, бедности и состояния безысходности. За последние девять лет потребление алкоголя, в том числе суррогатного, на одного члена сельского домохозяйства в сопоставимых ценах выросло вдвое и в целом значительно превышает городские показатели. При этом наибольший рост расходов на алкоголь отмечается в наименее обеспеченных семьях, что является причиной высокой смертности сельского населения. Село «устойчиво» опережает город по случаям суицида на 1000 человек населения, в том числе в фермерских хозяйствах из-за барьеров в реализации их продукции, диспаритета цен, невозможности расплачиваться по кредитам, рэкета и т.д. – той же безысходности.

Все это, как и многое другое, свидетельствует о *системной деградации сельской социальной сферы*, а вместе с тем и трудового потенциала, главной производительной силы деревни, что прежде всего определяет общую отсталость, низкую эффективность и конкурентоспособность сельского хозяйства, его фактическую неспособность обеспечить продовольственную безопасность страны за счет отечественного производства.

Сохраняющиеся запасы жизненной энергии и инициативы у нынешних селян уходят в занятие своим приусадебным семейным хозяйством, которым они не столько живут, сколько в основном выживают, от которого кормятся при значительном недопотреблении таких продуктов, как молоко (на 30%), мяса (на 11%), яиц (на 34%), фруктов и ягод (на 30%), овощей (на 35%) и т.д. Сами горожане обречены на потребление обильно приправленных нитратами и прочими раздражи-

телями и аллергенами гигантских объемов голландских, израильских и прочих импортных овощей, картофеля, фруктов, а также замороженного и залежалого мяса, рыбы, сахара, молочной и другой продукции, завозимой со всех концов мира в беспрецедентных за всю историю России объемах. При такой направленности и таких результатах проводимой аграрной политики и огромных потенциальных возможностей России самой (как это было в начале XX в.) кормить себя и еще половину Европы становится очевидным отсутствие в этой политике по меньшей мере здравого смысла (Неэкономические грани экономики, 2010).

В ответ, конечно, могут показать, какие в стране имеются передовые, успешные хозяйства (в частности, входящие в «Клуб АГРО-300»), которые помимо производственных достижений имеют хорошие показатели социального развития, что там сохраняются кадры и т.д. Но, во-первых, таких хозяйств в стране не более 3–3,5% общего числа. Во-вторых, в их достижениях играют роль не только (а часто не столько) человеческий фактор, профессионализм руководителей, но в решающей степени – более благоприятные условия хозяйствования (природные, местоположение, удобство реализации продукции и т.д.). Многие из них функционируют на базе тех же советских «маяков», создававшихся на приоритетном получении ресурсов. Поэтому их, как и прежде, часто поддерживают для престижа местные власти и демонстрируют высокому начальству как примеры якобы общего благополучия в сельском хозяйстве. В-третьих, такие хозяйства и теперь пользуются предпочтениями в распределении средств государственной поддержки, субсидий, льготных кредитов и т.д.

Так что такие «успешные» хозяйства, особенно гигантские агрохолдинги, деятельность которых далеко не безупречна, особенно в отношении эффективности, капиталоемкости, фондоотдачи, прав собственности работников, особенно оптимальности размеров земель, не спасают положения и, как совет-

ские «маяки» (из той же иллюзии «особого» пути), часто служат больше для поддержания престижа местных властей. К тому же, как показывает практика, курс на распространение сверхкрупных предприятий (фактически новых латифундий) является крайне высокозатратным, что наряду с организационно-экономическими изъятиями в функционировании и громоздким управлением делает бесперспективным их массовое распространение.

Судя по выступлениям ответственных персон системы государственного управления, особенно аграрной сферы, можно подумать, что в последние годы государство взяло высокие обязательства по социальному развитию села и что эти обязательства в целом успешно выполняются, а в ряде направлений даже перевыполняются.

Что же представляют собой эти показатели и какова роль государства в их финансовом обеспечении, если вспомнить, что в соответствии с законом «О социальном развитии села» (1990 г.) на сельское хозяйство, в том числе социальную сферу, необходимо выделять 15% национального дохода, а закон «О государственном регулировании агропромышленного производства» (1997 г.) основным источником такого обеспечения предусматривает *федеральный бюджет*? Ответ на это вопрос свидетельствует лишь об одном: настоящий государственный подход властей к социальным обязательствам перед крестьянством, которому следуют развитые страны современного мира, подменяется «рассмотрением» или комментариями по поводу использования того, что «дают» сельскому хозяйству в форме консолидированного аграрного бюджета, фактически по тому же «остаточному» принципу, какой применялся в советских колхозах, без сопоставления с тем, какой вклад делает крестьянство в создание национального дохода страны, который на $\frac{9}{10}$ перекачивается из этой отрасли в пользу того же государства и субъектов монопольного окружения отрасли. Проведенные расчеты по масштабам перекачки показывают, что *такого фискального бремени не испытывает в стране ни*

одна другая отрасль, ни одна другая группа населения.

В 2008 г. «перевыполненные» обязательства государства по поддержке сельской социальной и инженерной инфраструктуры составили 3,5% суммы «перекачки». Но что это за обязательства, если на сельского жителя приходится около 1 тыс. р., и что можно сделать для улучшения условий жизни и крестьянского быта за эти деньги? Причем в финансировании объектов социальной сферы федеральный бюджет участвовал на 18,6% (примерно 200 р. на одного сельского жителя), тогда как при важнейшем общенациональном значении проблемы именно федеральный центр должен взять на себя основную долю финансирования.

По официальным данным Роскомстата доля аграрной составляющей всего бюджета страны за последние годы составляет менее 1,2% на 38 млн человек сельского населения. А если учесть, что непосредственному производителю достается лишь $\frac{1}{4}$ аграрного бюджета (остальное идет на содержание управленцев, обслуживающих структур, поддержку Россельхозбанка, Росагролизинга и т.д.), то встает законный вопрос: можно ли исходя из принципов социального государства (как это записано в Конституции РФ) всерьез говорить об этих обязательствах?

Сокращение и без того символической, «остаточной» доли аграрного бюджета России за 2008–2010 гг. примерно до 3 тыс. р., или менее 100 долл., на сельского жителя в год (для сравнения: в развитых странах Запада этот показатель достигает 3–5 тыс. долл. и более) в экономическом блоке правительства объясняют условиями кризиса, дефицитом бюджета. Но экономическим кризисом были охвачены и другие страны, в том числе, например, США. Однако правительство страны не пошло на сокращение аграрного бюджета, а наоборот увеличило его (за 2008–2010 гг. его сумма возросла с 92,9 млрд до 134,2 млрд долл.). Эта сумма не включает 5 млрд долл., выделенных управлением по делам малого бизнеса (Small Business Administration) США

на развитие сельского предпринимательства, и 10 млрд долл., израсходованных министерством транспорта на строительство сельских дорог, т.е. всего государственная поддержка сельского хозяйства страны составила 149,2 млрд долл., что в 1,5 раза больше, чем в 2008 г. В России при почти сопоставимой численности сельского населения бюджетные назначения на «развитие» аграрного сектора снизились с 5 млрд до 3,5 млрд долл.

Отсюда прямо противоположные изменения как в социально-экономическом положении занятых в сельском хозяйстве, так и в технологии и уровне сельскохозяйственного производства. О какой его модернизации может идти речь при такой бюджетной политике в отношении села и аграрной политики в целом, прежде всего ее социальной составляющей?

Для оправдания изъятий этой политики в других ее решающих направлениях, особенно ценообразовании и ценовом регулировании, могут сказать, что «экономия» на бюджетных назначениях для сельского развития, колоссальные потери СХО от диспаритета цен якобы «компенсируются» действующей системой кредитования сельхозпроизводителей.

Что касается СХО, всех других сельских заемщиков, то и субсидированные кредиты с процентными начислениями надо возвращать, а это значит, что в итоге реальной государственной поддержкой сельского хозяйства являются лишь показанные выше, урезанные до социально недопустимого предела суммы аграрного бюджета (в среднем за последнее время около 4,3 млрд долл. в год при сумме «перекачки» около 40 млрд долл.). Средств для такого возврата у большинства СХО нет, и многие из них или берут заемные средства, заранее не рассчитывая расплачиваться по кредитам, или вообще не получают кредитов, равно как и субсидий, что ведет к усилению социального расслоения в деревне.

В целом при такой кредитно-финансовой политике сельское хозяйство оказалось в глубокой и безвыходной долговой яме, по сути, являющейся признаком фактического

банкротства всей отрасли. Кредиторская задолженность сельских товаропроизводителей приближается к 1,5 трлн р., а вся прибыль как главный источник погашения кредитов (расчитанная при включении в издержки производства вдвое заниженной оплаты труда работников сельского хозяйства) составляла в 2009 г. 83,6 млрд р. при рентабельности с учетом субсидий 9,7%.

Нужно вообще сказать, что в настоящее время не одно лишь бедствующее сельское хозяйство, но и весь народнохозяйственный комплекс страны несет огромные потери имеющихся ограниченных ресурсов, особенно невозобновляемых природных, а также бюджетных средств из-за поистине «любительского» отношения верховной власти страны к выбору приоритетов использования этих ресурсов, что является существенным признаком общей концептуальной ущербности и низкой эффективности всей экономической политики государства. Не только в отношении села, но и сплошь и рядом наблюдается удручающая картина, с одной стороны, нищенского нормирования, а с другой – щедрого расточительства, в результате чего в стране разрастается социально порочный симбиоз «дворцов» и «хижин».

Учитывая очевидное общее концептуальное смещение акцентов государственная политика приоритетов нуждается в радикальной корректировке. Необходимо строгое ранжирование приоритетов по социальной значимости и экономическому эффекту каждого направления использования имеющихся ограниченных ресурсов страны с привлечением к определению и обсуждению этих направлений (и их правового обеспечения) институтов гражданского общества. Но сейчас в условиях растущей угрозы продовольственной безопасности совершенно очевидно, что необходим решительный и неотложный переход от полумер и деклараций в реализации принципа приоритетности сельского развития к полномасштабным общегосударственным практическим решениям по его ресурсному и правовому обеспечению с акцентом на особый

и первоочередной приоритет радикального преобразования социальной и инженерной инфраструктуры, дорожно-транспортной сети, системы связи и информационного обслуживания села независимо от экономических показателей хозяйствующих субъектов (Буздалов, 2008).

Что касается конкретных мер по ресурсному обеспечению приоритета сельского развития в форме соответствующего финансового наполнения аграрного бюджета и его социального сегмента, то, используя для этого механизмы перераспределения и имеющиеся реальные источники, необходимо добиться последовательного значительного сокращения масштабов (или компенсации суммы) «перекачки» по меньшей мере на 50%, т.е. до 500–600 млрд р. с увеличением бюджетных назначений на сельское хозяйство до 600–700 млрд р. в год. *Иными словами, сельское хозяйство само создает экономический потенциал для своего развития. Просто не надо так бесцеремонно (и бесконтрольно со стороны власти) его обирать и фискальным органам государства, и субъектам монопольного окружения, отрасли, ее «партнерам» по АПК.*

Для возврата селу указанных сумм перекачанных средств и соответствующего наполнения аграрного бюджета необходимо (отбросив амбиции по поводу «особого российского пути») использовать проверенные мировым опытом действенные, социально ориентированные механизмы и рычаги привлечения конкретных источников, среди которых прежде всего налог на роскошь и прогрессивная шкала подоходного налога. Экономически оправдано и социально справедливо использовать для нужд села часть природной ренты, необоснованно полностью присваиваемой государством и предпринимателями добывающих отраслей (в то время как из сельского хозяйства, наоборот, *изымается* почти вся прибавочная стоимость, в том числе вся рента и половина общественно необходимого уровня оплаты труда), а также часть доходов от продажи объектов государственной собственности, включая земли сельскохозяйственно-

го назначения, поступающих кому угодно, только не сельскому хозяйству. Есть и другие возможные источники из многомиллиардных денежных «потоков», нецелевых «вливаний», вращающихся во второстепенных, далеко не приоритетных сферах и структурах экономики и общества, в каналах излишне щедрой «братской» и иной помощи зарубежным странам, в серых, криминальных схемах движения денежного капитала. Сейчас в коррупционных потоках уходит в бездну по имеющимся данным порядка 250–300 млрд долл. (Неэкономические грани..., 2008), сопоставимых с доходной частью бюджета страны.

Соответствующее ресурсное обеспечение приоритета сельского развития необходимо подкрепить действенным экономическим механизмом использования этих ресурсов и системы ведения сельского хозяйства в целом, а также более совершенным правовым и программно-целевым обеспечением, особенно по предотвращению дальнейшей деградации социальной сферы села. Для этого вместо нынешнего «полуфабриката» (Программы социального развития села на 2008–2012 гг.) необходимо безотлагательно принять и (по той же успешно апробированной в 2010 г. методике главы правительства) также последовательно реализовать полноценную Государственную программу радикального преобразования социальной сферы российского села с адекватным ее ресурсным обеспечением на уровне не менее 200 млрд р. в год.

Необходимо решительно упорядочить методы и механизмы использования ценовой, кредитной и налоговой составляющих аграрной политики, и соответствующие подсистемы государственного регулирования сельского хозяйства, что позволит существенно повысить эффективность уже задействованных в этих подсистемах финансовых ресурсов. В странах с развитым сельским хозяйством, становлению которого во многом способствовало указанное упорядочение, ценовая составляющая достигает 80% общих сумм государственной поддержки сельского хозяйства, что даже при мизерных процент-

ных ставках позволяет фермерам до необходимого минимума сократить использование заемных средств даже на сезонные нужды и избавиться от долговой зависимости по кредитам. У нас наоборот: примерно те же 80% государственной поддержки приходится на ресурсорасточительные для государства, выгодные банкирам и малоэффективным для СХО ведущие их в долговую яму заемные средства, выдаваемые под ростовщические проценты. Прямая поддержка аграрных цен явится действенным рычагом нормализации финансового положения хозяйств, условием повышения оплаты и, следовательно, мотивации труда, гарантией принципиального изменения ситуации в самой системе кредитования, в том числе сократит саму потребность в кредитах, выдаваемых сейчас под заоблачные процентные ставки.

Во взаимосвязи с радикальными изменениями в использовании названных рычагов экономического механизма регулирования сельского хозяйства предстоит перестроить весь этот механизм, включая его внутривоздействующую составляющую, прежде всего в крупных СХО, особенно в гигантских агрохолдингах, в соответствии с принципами социального рыночного хозяйства. Эта перестройка должна исходить из того, что в целом применяемые рычаги и инструменты экономического механизма аграрного сектора и всего АПК во многом или вообще не согласованы, должным образом не взаимодействуют и в целом не образуют единую, слаженно функционирующую систему. В итоге ослабляются или подрываются функции и сами основы эффективного государственного регулирования и управления, а скудные ресурсы аграрного бюджета в основном их объеме, не доходящие непосредственно до сельхозпроизводителей, не дают должной отдачи.

В тесной увязке с формированием адекватного принципам социального рыночного хозяйства экономического механизма важно осуществить преобразование сложившегося аграрного законодательства, отличающегося той же несогласованностью, противоречиво-

стью или очевидной запутанностью многих принципиально важных правовых норм. Это относится к законам о сельскохозяйственной кооперации, обороте земель сельскохозяйственного назначения, многим другим правовым и нормативным актам, в том числе к базовому закону о сельском хозяйстве с его декларативным, тезисным, во многом беспредметным содержанием.

Для серьезного государственного решения проблемы радикального упорядочения аграрного законодательства, приведения его в единую, согласованную и в целом внятную систему необходимо, опираясь на опыт стран с высокоразвитым аграрным сектором, разработать единый полноценный федеральный закон «О сельском хозяйстве Российской Федерации» прямого действия (Буздалов, 2008). Такой закон должен определять и детализировать как основные направления аграрной политики с принятием соответствующих государственных целевых программ и проектов, так и формы, методы, размеры и механизмы активной протекционистской поддержки сельского хозяйства, лоббирования интересов села, меры ответственности и другие условия, обеспечивающие динамичное развитие непосредственно аграрного производства и действительно радикальные изменения в условиях труда и жизни сельских производителей. Поправки, уточнения, дополнения, прочие «улучшения» разобщенного, бессистемного и потому стимулирующего расточительство ресурсов аграрного законодательства будут все более уводить в сторону от решения насущных задач по серьезному изменению нынешнего бедственного социально-экономического положения российского села.

При формировании действенного экономического механизма социально ориентированной рыночной системы аграрных отношений и его соответствующем четком, однозначном и детализированном правовом закреплении особого внимания заслуживает неотложное устранение изъянов и перекосов в системе земельных отношений, так как в ходе реформ именно здесь, в центральном пункте

«аграрного вопроса», наиболее болезненно задетым оказался социальный статус крестьянства. Его основная масса так и не стала собственником земли, как это было определено стратегией рыночных преобразований в деревне. Более того, миллионы селян, особенно оказавшихся теми же бесправными в области земельных отношений, стали наемными работниками у владельцев агрохолдингов, крупных агрофирм, да во многом и у руководителей СПК (по закону о сельхозкооперации – почти тех же колхозов). Часто путем туманных обещаний и прямого обмана они лишаются даже бумажных земельных долей. А те из небольшой прослойки земельных собственников – владельцев К(Ф)Х, как и члены приусадебных *семейных* хозяйств – производителей почти половины сельскохозяйственной продукции, не стали равноправными партнерами рынка, терпят притеснения, выступают в роли просителей, бедных родственников. Не более уютно и свободно чувствуют себя владельцы дачных и садовых земельных участков, так и не дождавшихся заметных послаблений от обещанной так называемой дачной амнистии.

Наконец, пора поднять престиж и уровень общегосударственного лоббирования интересов крестьянства и насущных нужд крестьянства на политическом поле страны, соответственно в системе законодательной власти. В видеоблоге, показанном по телевидению 24 ноября 2010 г., Президент РФ Д. Медведев говорил, что для становления в России настоящей демократической политической системы должно стать нормой, чтобы в обществе был слышен голос самых малых социальных групп, а в идеале – каждого человека.

Пока голоса почти 40-миллионного крестьянского населения в этой системе и обществе в целом практически почти не слышно, особенно по глобальным вопросам радикального изменения нынешнего его социально-экономического положения. Хотя слабым, но услышанным в обществе был голос крестьянских депутатов в царской Государственной Думе. Пусть формально, но в советском

Верховном Совете депутатами были рядовые крестьяне, механизаторы, доярки и т.д. В нынешней думе заявляют о себе и артисты, и спортсмены, но совсем не слышно голоса целого класса, представителя важнейшей базовой отрасли экономики. В начале аграрных преобразований возникла и быстро ушла в небытие Крестьянская партия. На задворках политического пространства недолго просуществовала слабая Аграрная партия, которая, судя по числу народных избранников, не внушала доверия у самих сельских жителей и в конце концов в своем остатке растворилась в рядах правящей партии. А судя по голосованию за аграрный бюджет глобальные вопросы возрождения села, на которые пытаются обратить внимание в Государственной Думе представители мало что решающих оппозиционных партий, эту партию не особенно интересуют. Собиралось поднять во весь рост эти вопросы намечавшееся три года назад Аграрное движение России, но, видимо, из-за этого «дерзкого» замысла сейчас ничего не слышно ни о реальных делах, ни о самом существовании этого движения. Не слышно об успехах в отстаивании интересов крестьянства профсоюза работников АПК.

Крестьянская тема, ее особая общественно-политическая значимость, социально-экономическое положение в деревне остаются на заднем плане в средствах массовой информации, да и в общественных науках. Очевидно, при такой изоляции крестьянства из политической жизни и информационного поля страны рассуждения о становлении развитого гражданского общества, правового государства, о его социальных обязательствах перед селом, о приоритете последнего в экономической политике и т.д. остаются больше разговорами о намерениях, общими декларациями, обрекающими сельское хозяйство, его главный – трудовой – потенциал на дальнейшую деградацию.

Литература

- Бухарин Н.И. Избранные произведения. М.: Политиздат, 1988.
- Буздалов И.Н. Устойчивому развитию сельского хозяйства приоритетную государственную поддержку // Вестник РГНФ. 2008. № 3.
- Буздалов И.Н. Перекачка как отражение социально-экономической ущербности аграрной политики // Вопросы экономики. 2009. № 10. С. 123.
- Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние / Под ред. акад. О.Т. Богомолова. М.: Типография КЕМ, 2010. С. 152.
- Состояние социально-трудовой сферы села и предложения по ее регулированию: Ежегодный доклад по результатам мониторинга. Вып. 11. М.: Росинформагротех, 2010. С. 84.

Рукопись поступила в редакцию 06.08.2013 г.